
ДАША Коэн
ОНА ЗАСТАВИТ ЕГО ПОЖАЛЕТЬ
О СВОИХ СЛОВАХ...
Я тебя
НЕ ЛЮБИЛ
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Даша Коэн
Я тебя не любил...

https://litres.ru/75016672

Аннотация

БЕСТСЕЛЛЕР! — Поздравляю! Скоро вы станете мамой, Анечка! — Спасибо..., — бормочу, едва сдерживая слезы. — А вы что не рады? Может, ребеночек не долгожданный? Или папы нет? — Папы нет..., — хриплю я. — Вот же мужики пошли — скоты бессовестные. Поматросят и бросят. Но вы молодец, Анна. Ребенок же не должен страдать оттого, что у него папка козел. Верно? — Верно...

*** **!**#ОСТОРОЖНО!!! От героев вас будет бомбить! **!**#Серая мораль - Вас предупредили!

История Сергея Панарина:

Содержание

Глава 1 – Надежда умирает последней 4
Глава 2 – Фиалка 16
Глава 3 – Кукла Аня, не плачь... 31
Глава 4 – Палата №6 38
Глава 5 – Остыл 46
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Глава 1 – Надежда умирает последней

Аня

— Ну, возьми же трубку, — жалобно захныкала я, — пожалуйста, возьми, любимый!

А в ответ ничего. Только монотонный роботизированный женский голос бездушно талдычил мне одно да потому:

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети. Пожалуйста, позвоните позднее...»

И я звонила.

Снова и снова набирала номер мужа.

Зачем?

Глупо, знаю! Но я все еще малодушно надеялась на то, что мой Игнат не сел на тот чертов рейс. Не знаю, что-то случилось, и он никуда не полетел. Живот, может, прихватило. Планы изменились. Просто передумал.

Так ведь бывает!

И его не было в том самолете, что разбился в небе несколько часов тому назад.

— Ответь мне, любимый! — еще раз, казалось бы, в тысячный умоляла я пощадить меня безжалостную тишину, а затем отшвырнула от себя телефон и разрыдалась в голос.

Мне стало так страшно!

И пусто!

И до бесконечности невыносимо находиться в этом мире, где больше не было моего любимого мужчины.

Если бы я только знала, что сегодня видела Игната в аэропорту в последний раз, то ни за что бы его не отпустила. Костьми бы легла, но оставила его рядом с собой. На цепь посадила. Отчебучила бы какую-то дичь, но спасла бы его!

Но, к несчастью, люди не способны видеть будущее.

Так и я ничего не почувствовала, когда он в последний раз махнул мне на прощание и криво улыбнулся. Этот сильный мужчина. Красивый, как смертный грех. Умный. Хваткий. Пробивной.

Лучший!

Я ведь сама себе завидовала, что заполучила такое сокровище.

А теперь, как мне жить, когда его больше не будет рядом? Он теперь никогда не прошепчет мне утром хриплым шепотом:

— Привет, малышка!

Не обнимет. Не поцелует. Не скажет: «люблю...»

Забившись в истерике, растерзанная горем и разорванная на клочки от мучительной агонии невосполнимой потери, я не знала, куда себя деть. Я ревела, срывая голос. Я сходила с ума. Я скулила побитой собакой.

А затем, почти дойдя до края, не выдержала.

И решила хоть с кем-нибудь разделить свою боль. На ват-

ных ногах доползла до телефона, суматошно отыскала номер и набрала его.

Аэропорт!

Горячая линия!

Но сколько бы я ни стучала в закрытые двери, мне так никто и не открыл. Видимо, не я одна в эту ночь глотала горькие слезы и не находила себе места от ужаса.

Теперь мне осталось только одно. И я сорвалась, пытаясь хоть где-то найти утешение и помощь.

— Папа, папочка! — закричала я, когда трубку на том конце провода подняли.

— Что случилось, Анюта? — сонным и хриплым голосом пробасил отец.

А как сказать? Как выговорить весь тот кошмар, что свалился на нашу семью.

— Игнат, он...

— Что с ним? — всполошился старик. — Он же на Камчатку улетел.

Нет, выговорить правду прямо я была не в силах.

— В новостях сказали, что его борт потерпел крушение! О господи, пап! Что делать? Что нам теперь делать? — и прижала руку к низу живота, где уже билось маленькое сердечко.

Частичка того, ради кого я была готова на все!

Дальше говорить уже не смогла. Горький плачь лишил меня этой возможности. Я лишь повалилась на диван в позу эмбриона и заторможенно слушала, как отец что-то все вре-

мя говорил мне. Я не понимала ни слова из сказанного им.

Но мне было и не нужно!

Главное — не одна.

Иначе окончательно свихнусь.

— Ты дома?

— Да...

— Я еду к тебе, девочка.

— Скорее...

Когда же спустя час в квартире появился отец и еще какие-то незнакомые мне мужчины, я уже была в состоянии полнейшего шока. Аффект накрыл меня с головой. У меня что-то спрашивали, я что-то отвечала. Но что именно?

Не знаю.

— Я не хочу! — раненым зверем рычала я, когда мне пытались скормить какие-то успокоительные.

— Надо, дочка. Легче станет.

— Легче? — рассмеялась я, словно городская сумасшедшая, а затем снова разрыдалась.

— Анюта, это всего лишь доктор. Дай ему убедиться, что с тобой все в порядке, — успокаивающе попросил меня отец, но добился прямо противоположного варианта.

Я громко и судорожно всхлипнула, а затем начала жалобно плакать. Потому что не получалось уже иначе.

— В порядке? — хрипло пробормотала я. — А как ты думаешь, папа, я в порядке? Неужели меня надо потрогать, пощупать и посветить в глаза фонариком, чтобы понять —

я раздавлена!

— Аня, ну полно тебе...

— Игнат ведь еще несколько часов назад мне улыбался. Говорил, как сильно меня любит. Прижимал к себе и обещал, что никогда меня не бросит. Никогда, слышишь? А теперь я узнаю, что он полетел на чертову Камчатку, чтобы заработать очередные уже никому не нужные миллионы. И все — его нет!

— Доченька!

— Он погиб...

Вот же — еще был жив. Строил планы на жизнь. И просто согревал меня своим светом. А теперь там все остыло.

Покрылось мраком.

И тленом.

И казалось, даже пепел начал скрипеть на зубах, когда в голове отложилось понимание: это не ночной кошмар. Это действительно случилось. Жестокая насмешница-судьба отобрала у меня самое дорогое, что было в моей жизни.

Оставила лишь боль и море отчаяния, в котором я бесконечно тонула.

— Аня!

— Что? — подняла я на отца свои потухшие глазницы.

— Мои люди прямо сейчас запрашивают списки зарегистрировавшихся на этот рейс. Возможно, произошла какая-то ошибка. Накладка.

— Чудо? — всхлипнула я.

— Чудо, да! — закивал отец, а я вдруг, словно феникс, восстала из пепла.

А что, если он прав? Что, если Игнату все-таки удалось обмануть, и судьбу, и саму смерть?

Что, если Господь услышал мои молитвы?

И телефон его не отвечает, потому что банально разрядился.

Да хоть бы...

И мы принялись ждать.

До самого рассвета никто не спал. Мы просматривали сводки новостей. Молились. И верили в лучшее.

А затем настало утро, и долгожданный звонок в дверь прозвучал в затихшей от траура квартире, как пушечный выстрел. Спустя всего лишь краткие мгновения в гостиную торопливо вошел какой-то помощник моего отца.

Коротко окинул нас взглядом.

Кивнул.

А затем протянул нам бумажный конверт и отрезал:

— Вот списки тех, кто был на борту. Информацию дважды проверили. Ошибки быть не может.

Отец вырвал документы из рук мужчины и пробежался по ним быстрым, цепким взглядом. Нахмурился. Еще раз перепроверил, а затем глянул на меня.

И считай, что убил...

— Пап, — жалобно проскулила я, протягивая к родителю руки в просительном жесте, — умоляю, скажи, что его там

нет!

— Анюта..., — замялся старик, а я вцепилась руками в волосы и с силой их задергала, уже не осознавая, куда катится этот мир и как мне в нем удержаться.

— Нет! — завыла я, понимая, что призрачная надежда на чудо рассыпалась пеплом, даже не успев оформиться.

Я бросилась к отцу и вырвала из его рук листы, исписанные многочисленными именами и фамилиями. И принялась суматошно перепроверять то, что и так уже точно знала.

Но отказывалась с этим примириться! Категорически!!!

— Его тут нет..., — бормотала я сбивчиво.

— Доченька, перестань, — попытался обнять меня отец, но я только оттолкнула от себя его руки.

— Нет! Это просто однофамилец, да? — с дрожащим подбородком выдохнула я, чувствуя, как соленые капли водопадом льются из глаз. — Просто вот такое совпадение, пап. Так же бывает, правда? Ну что же, я не имею права один раз в жизни получить такой подарок судьбы?

— Девочка моя, ну не рви ты себе душу!

— Я ведь всех потеряла, — задыхалась я от своего душераздирающего горя. — Никого не осталось! Мама ушла. Бабушка тоже меня оставила. Теперь и Игната забрали. За что? Чем я перед миром этим провинилась так сильно, что он забирает всех, кого я люблю? Каждого...

— У тебя есть я, Анюта, — переборов все-таки мое сопротивление, укутал меня в свои объятия отец, и я оконча-

тельно разбилась на миллионы визжащих от ужаса осколков.

— Ты тоже скоро уйдешь, — вцепившись изо всех сил в пиджак старика, в голос рыдала я, — уйдешь, я знаю...

— Ни одна гребаная болезнь не помешает мне быть с тобой столько, сколько тебе это нужно, дочка.

— Обещаешь? — всхлипнула я, поднимая глаза на человека, что однажды хладнокровно отказался от меня, а теперь стал тем самым маяком, что не позволял мне напороться на острые скалы безжалостной действительности и окончательно разбиться.

Он бросил мою мать, когда ей было всего шестнадцать.

Заплатил ей, чтобы она избавилась от меня.

И ушел, навсегда оставляя ее с разбитым сердцем и попранной гордостью.

Я думала, что никогда его за это не прощу!

А теперь вот как все повернулось...

Сейчас, несмотря на весь этот кошмар нашего общего прошлого, именно этот старик, изможденный и глубоко больной, стал мне опорой и поддержкой. И я отказывалась думать, что было бы со мной, если бы не он.

Я бы точно бесповоротно спятила.

А он был здесь. Спустя вечность усадил меня на диван, завернул в пушистый плед, а затем выгнал всех посторонних из квартиры. Подошел снова и погладил по голове. Именно так, как я всегда мечтала, чтобы однажды сделал мой папа.

Нежно. Бережно. Покровительственно.

— Заварить тебе ромашкового чая?

— Угу, — закивала я, даже не понимая, что он предлагает.

— Тогда посиди тут, я сейчас.

— Нет! — вскрикнула я. — Пожалуйста, не уходи! Не бросай меня!

— Не брошу, — улыбнулся мне отец, а я только сейчас заметила, что в его глазах замерли слезы скорби.

Он не железный и тоже сломался. Как и я...

И пока на кухне кипел чайник и гремели чашки, я снова притянула к себе те самые списки погибших. И снова вгляделась в бесконечные строчки из почти четырехсот имен. И на второй странице все же напоролась на знакомое имя.

Лисс Игнат Георгиевич.

Посадочное место — сорок один В.

— Странно, — прошептала я и нахмурилась, ноготком скобля напечатанные буквы имени любимого мужчины, — он ведь всегда летал бизнес-классом.

— Что? — переспросил отец, чуть пришаркивая, тяжелой болезненной поступью входя в гостиную и присаживаясь рядом со мной.

— Смотри, — ткнула я в строчки, — Игнат сильно заранее планировал эту поездку. Первый раз упомянул о ней еще два месяца тому назад. А полетел почему-то экономом. Да не простым, а на последних рядах возле туалета, там, где, наверное, даже спинка не откидывается. Он ведь никогда так не делал, пап.

— Может, мест не было в бизнесе? — пожал плечами мужчина, а я тяжело и судорожно вздохнула.

— Тогда бы он просто выбрал другой рейс, — кусая до крови губы, выдала я прописную истину про своего мужа.

В отношении к своему комфорту Игнат был педантичен до абсолюта. Никогда им не поступался. Тем более в разрезе восьмичасового перелета на другой конец страны. Ладно бы маршрутка до Питера. А тут Камчатка...

— Анюта, — сжал мои ледяные пальцы отец, — я заклинаю тебя, не ищи подводных камней там, где их нет. Потому что ты только оттягиваешь неизбежное, а неминуемое разочарование ударит по тебе так сильно, что ты сможешь уже не подняться с колен!

— Но...

— Это гребаная жизнь, детка. Жестокая и беспощадная. И она никого из нас не жалеет. Она серийная убийца, понимаешь? И нет никакого доброго дядьки, сидящего на облаке и прислушивающегося к нашим молитвам. Иначе бы этот мир был другим, милая: добрым, чистым, светлым. Вот и вся правда. И чем быстрее ты ее поймешь, тем проще тебе будет жить.

— Проще жить? — всхлипнула я громко. — Разве же ты не видишь, что я вслед за ним умираю? Я ведь люблю его! По-настоящему!

— Его больше нет, Аня. Остались только мы.

— Нет! Я в это не поверю, пока не найдут его тело. Не по-

верю, слышишь? — снова заплакала я, но отец крепко прижал меня к себе, а затем и уложил на свои колени, чуть похлопывая по голове.

— Поплачь, поплачь, милая. Папа рядом...

И сделала это. Выла. Скулила. Что-то тихо причитала, чувствуя, как совершенно выгораю изнутри, превращаясь в мешок, набитый пеплом. Пока не забылась тревожным сном, где всматривалась в темные небеса, а затем снова и снова с ужасом вглядывалась летящие пылающие осколки, горячей плотью падающие к моим ногам.

А проснулась, как от хлесткой пощечины.

На секунду подумала, что все случившееся лишь страшный ночной кошмар. Выдохнула даже с облегчением и безумно зашарила глазами по гостиной, мечтая поскорее увидеть черты лица любимого мужа, который пройдет мимо, на ходу повязывая на шее галстук и целуя меня в щеку.

А я улыбнусь ему и скажу, как сильно я по нему соскучилась.

Но ничего из этого не случилось.

А я снова рухнула с высокой скалы в моря отчаяния и боли. Застонала, стискивая виски и чувствуя непреодолимую тошноту. Будто бы какой-то невидимый враг шипастой булавой бил меня одновременно по голове и в живот.

Путаясь в пледе, еле-еле добежала до уборной, а затем добрые полчаса корчилась над унитазом, выворачивая внутренности наизнанку.

Окончательно обессилила.

А когда все-таки смогла оскоблить себя с пола и добраться до дивана, на который повалилась разбитой вазой, то услышал, как проворачиваются и лязгают ключи в замочной скважине.

Вздрогнула всем телом и молнией сорвалась с мест. А затем, с колотящимся безумной пташкой сердцем, пулей ринулась до прихожей, где расширившимися от нескончаемой надежды глазами смотрела на то, как открывается входная дверь.

И снова молилась!

— Боже, пусть это будет он...

Глава 2 – Фиалка

Аня

— Это всего лишь ты..., — стирая набежавшие на глаза слезы, прошептала я и развернулась, а затем побрела прочь, шаркая ногами по полу, как древняя старуха.

— У меня есть новости, Анюта.

— Игнат жив? — на секунду притормозила я и оглянулась на отца.

— Нет, но...

— Тогда мне неинтересны эти новости. Можешь оставить их при себе.

— Еще я принес завтрак.

— Я не хочу есть, — передернула я плечами, а затем снова почувствовала привкус тухлого чеснока во рту и почти невыносимую тошноту.

И все-таки изменила маршрут своего следования, повернув в сторону кухни и набирая себе большой стакан ледяной воды. Выпила его залпом, но легче мне не стало. Кишки скрутило от внезапной рвотной судороги.

Но я лишь зажала рот ладошкой и прикрыла глаза, погружаясь в томительное ожидание того, когда все пройдет и меня попустит.

— Анюта, ты не ела со вчерашнего дня. Так нельзя...

— А через силу в себя еду заталкивать можно? — выгнув

одну бровь, спросила я и почти тут же сложилась пополам от тяжести потери.

И воспоминания минувшего вечера калейдоскопом замелькали перед мысленным взором, вот только вместо ярких, разноцветных камушков, в моем были лишь горящие угли скорби и пепел отчаяния.

— Тут бульон, доченька, — подсунул мне красивый пластиковый стакан из модного ресторана отец, — хотя бы его похлебай. Не нужно себя убивать.

Себя...

Пальцы стиснули ткань на животе. Потянули ее с силой так, что послышался треск, а я вскинула на своего старика глаза, полные печали, и все же кивнула.

Да, как бы мне ни хотелось сдохнуть, я должна была себя беречь и кормить. Если бы не маленькая частичка Игната внутри меня, то эта жизнь окончательно потеряла бы для меня смысл. Но теперь все изменилось. И я была обязана пройти через все эти круги ада до самого конца.

Не сломаться.

Не сойти с ума.

И продолжать просыпаться утром, чтобы возродить для себя того, кто будет до последнего моего вздоха напоминать мне любимого мужчину.

Может, мне повезет, и наш ребенок унаследует такие же черные, как ночь, глаза отца. Или его ямочку на правой щеке? А если будет мальчик, то, возможно, однажды я разгляжу

точно такую же уверенную походку. И, прикрыв глаза, услышу знакомый до боли голос моего хитрого лиса.

Боже, я бы все отдала, только чтобы это случилось!

— Хорошо, я поем, — проскрипела я, беря в руки ложку и, буквально насилуя собственное тело, заставила его есть чертов суп, вкуса которого я совсем не ощущала.

А между тем, пока я была занята этим сложным делом, отец расположился напротив меня и заговорил. Но лучше бы он этого не делал, потому что каждое его слово было все равно что порция серной кислоты мне по венам.

Хотелось завизжать что есть мочи!

Но пришлось слушать и ментально снова и снова умирать...

— Ты должна это знать, Аня. Службы обнаружили обломки самолета и уже приступили к поискам тел погибших. К сожалению, многие жертвы сильно обгорели и их будет невозможно опознать. Также мне сказали, что есть огромная вероятность того, что из-за разрушения самолета в воздухе, некоторые погибшие так и останутся не найденными.

— Зачем..., — всхлипнула я, закрывая лицо ладошками, — зачем ты мне все это рассказал?

— Аня, я не понимаю. Это же твой муж! — неожиданно громко заорал Миллер и так сильно стукнул кулаком по столешнице кухонного острова, что все содержимое на ней подпрыгнуло. И я в том числе.

— Пап...

— Какого хрена? — пошел пятнами старик. — Ты думаешь, одна тут скорбишь и страдаешь? Да мне Игнат как сын был, о котором я всю жизнь мечтал. А тут такое...

Он закашлялся, а я откинулась на спинку стула и просто продолжила беззвучно плакать.

— Устроила тут «не хочу, не буду». Ну ты еще, как страус, голову в песок спрячь и представь себе, что ничего не случилось.

— Не ори на меня, пожалуйста, — прошептала я.

— А ты повзрослей уже наконец-то и не будь дурой, Аня! Погиб Игнат! Погиб! Так найди в себе силы почтить его честь, а не вот так — когда ты только со своим горем носишься! Ты же Миллер, ёб жешь твою мать! Поплакала — встала и пошла!

— А куда идти, пап? — вытерла я со щек жгучие слезы.

— С завтрашнего дня на Шафировском кладбище-колумбарии начнется процедура опознания тел. Ты должна быть там. Ты Игната лучше, чем кто-либо знаешь. Видела его голым, каждую его родинку за годы вашего брака выучила. Нужно, чтобы ты его нашла.

Видела голым...

Знала бы, что такое предстоит мне в жизни, то смотрела бы во все глаза, а не в темноте пряталась и под одеялом. А теперь-то что? Ничего!

Я даже здесь помочь не могу.

Правильно отец сказал — я маленькая беспомощная де-

вочка!

— Я не смогу, — затрясла я отрицательно головой.

— Есть такое волшебное слово, Аня — «надо»!

— Но...

— И ты это сделаешь! А потом начнешь готовиться к похоронам.

— Нет..., — снова разревелась я в голос, но отец даже внимания на меня не обратил, только скривился и отвернулся, снимая с переносицы очки в дорогой золотой оправе и принимаясь педантично протирать их специальным платком.

— Знаешь, о мертвых или никак, или хорошо. Но я все же тебе скажу, что о тебе говорил твой муж, когда я спрашивал его, почему он тебя почти никогда с собой никуда не брал, когда выходил в свет. Да потому что ты блаженная фиалка, Аня! А в нашем мире такие быстро вянут. Ты либо поднимаешься с колен и превращаешься в неубиваемый кактус, либо тебя просто затопчут!

Последние слова он натуральным образом проорал. И я не была на него в обиде за все это. Он хотел помочь и выбрал не непривычное утешение с платками и валерианой наперевес. А шоковую терапию, где бы я смогла посмотреть на себя со стороны и ужаснуться.

Да только бесполезно все это.

Слишком свежа была сердечная рана. Слишком мало времени прошло с тех пор, как на меня обрушилась новость, что Игната не стало.

Что отец хочет от меня?

Чтобы я поплакала пяток минут, а затем полетела по миру, порхая крылышками, словно беззаботная стрекоза, выбирая мужу место на кладбище и вступая в наследство?

Да он просто бездушный монстр, если думает, что я не имею права на траур!

— Я хочу остаться одна, — отложила я ложку и снова стиснула дрожащие пальцы на животе, понимая, что не стану говорить отцу новость о своей беременности.

Черта с два!

Он же неубиваемый кактус. А я фиалка. В мать пошла.

— Ладно, — уже успокоившись, кивнул отец, — поеду я. Мне еще столько бумажной волокиты нужно утрясти. А ты пока думай, на каком кладбище памятник ставить будем.

— Пап, уходи! — хотела было рявкнуть я, но получился лишь сиплый хрип.

— Завтра пришлю людей, кто поможет тебе с подготовкой ко всему. Надеюсь, что тебе хватит этого времени, чтобы прийти в себя?

Ответить ему я не потрудилась, а через минуту в моей квартире хлопнула входная дверь. И я снова осталась одна.

Чтобы плакать. Чтобы разрушиться изнутри до основания. Чтобы безмолвно орать дурниной от горя.

Встала из-за стола, не доев тот самый бульон, и поднялась, в нашу с Игнатом спальню. Дальше прошла в гардеробную и смахнула со штанги все его рубашки. Раскидала их по кро-

вати, обрызгивая любимым парфюмом мужа, и кулем повалилась на них.

Позволяя себе скользнуть в призрачную иллюзию, что лежу в таких необходимых мне сейчас объятиях моего Лисса.

А мне не дали.

Где-то внизу снова и снова горлопанил на максимуме громкости мой мобильный, призывая меня ответить. Так долго, что я не выдержала и рванула к нему, дабы выключить его или вообще разбить к чертовой матери.

Но вместо того, чтобы отклонить вызов с незнакомого номера, дрожащие пальцы соскользнули не туда, и до меня из трубки донесся уверенный мужской голос:

— Алло? Аня? Вы слышите меня?

— Да, слышу...

— Меня зовут Сергей Панарин. Я — лучший друг вашего мужа.

— И?

— Мне нужно срочно с вами поговорить!

— О чем? — едва ли ворочая языком, прохрипела я.

— Об Игнате.

— Простите, Сергей, но я сейчас не самый удобный собеседник, — категорично отрезала я, но даже не смутилась.

Зато честно.

— Но, Аня...

— Всего вам хорошего!

И отключилась, сразу намереваясь перевести телефон в

авиарежим, а затем и вовсе эго вырубить, но не успела. Неугомонный Сергей снова принялся наяривать мне.

Звонок — скинула.

И снова! И снова...

— Вот же зараза! — прохрипела я, но все же сняла трубку, намереваясь коротко, но основательно вразумить мужчину на тот счет, что мне сейчас немного не до болтовни с малознакомыми людьми.

Мне тошно!

Я вывернута наизнанку!

И мне не то, что говорить больно. Мне дышать невозможно, черт возьми!

— Аня, пожалуйста, не кладите трубку, — произнес Панарин, а я вымученно вздохнула и прикрыла глаза, проваливаясь под толщу льда в бурную, холодную реку тотальной безнадеги.

И потонула...

— Что вы от меня хотите, Сергей?

— Я ищу Игната.

— М-м..., — дернулась я, как от выстрела.

— Он рядом с вами? Можете передать ему трубку?

— Игната здесь нет..., — прошептала я затравленно.

— А где он, не подскажете? — требовательно надавил мужчина, отчего из моего горла вырвался полный муки стон.

И всего лишь одно слово:

— Нет...

— Что происходит, Ань? В его офис никого не пускают. Миллер расставил повсюду мордоворотов в три ряда со шмоном и допросами. Старшие Лиссы тоже ушла в глухую оборону. Фильтр в приемной Игната болтает всякую чушь, которую мне слушать противно.

— Так не слушайте, — отмахнулась я.

Нашел свободные уши тоже мне. Сложности жизненные у него. Ну, надо же...

— И телефон Лисса не отвечает. Ни на один номер не могу дозвониться: ни на основной, ни на рабочий, ни на запасной.

Сердце кто-то невидимый и жестокий уколол отравленной и раскаленной добела иглой, проткнув его насквозь. Больно...

— Запасной? — вздрогнула я и до крови закусила губу. — Не знала, что у него такой был.

— Для экстренных случаев, — чуть замявшись, ответил мужчина.

— Ясно..., — закивала я часто-часто, ощущая, как мотор за ребрами постепенно затихает и вскоре вовсе останавливается, не желая больше делать свою работу.

Голова тут же закружилась, а я пошатнулась, цепляясь в последний момент пальцами за стену. Привалилась к ней всем телом, а затем сползла на пол, так как ноги меня совсем не держали.

— Аня, что случилось? Это правда, что говорят про авиа-

катастрофу? Или это какой-то глупый розыгрыш?

— Последнему я была бы очень рада, но, увы..., — всхлипнула я, не в силах произнести тех самых страшных слов. У меня просто язык не поворачивался сделать это!

— Аня...

— Простите, но я ничем не могу вам помочь, — из последних сил крепилась я, чтобы не расплакаться.

— Господи... так это правда? Но, как же так?

— До свидания, Сергей.

— Подождите, Аня!

— Что-то еще? — все-таки заскулила я, чувствуя себя совершенно опустошенной от этого разговора.

— Я могу вам чем-то помочь? Чем угодно!

— Не можете...

Разбитое сердце не клеится простой жалостью и банальным участием.

И я отбила вызов, а затем и вовсе отшвырнула от себя ненужный гаджет. После чего потопала в прихожую, где отключила дверной звонок и изнутри заперла дверь так, чтобы ее невозможно было открыть снаружи.

А потом поползла обратно в спальню, где плотно задвинула темные портьеры, добиваясь абсолютной темноты. И улеглась на кровать, заворачиваясь в рубашки мужа и накрываясь одеялом с головой.

Все, нет Игната?

Значит, и меня нет...

И вот так на целый день до самого утра — в коматозе.

Ибо лишь во сне ко мне приходило спасение, потому что снился мне исключительно любимый мужчина. Наше совместное, идеальное прошлое. Вот мы в отпуске на райских островах. А вот Лисс учит водить меня машину. А вот мы на вертолете летим над Питером. А потом долго и нежно занимаемся любовью...

Невыносимо!

Чуть рассвело — пробудилась, а по факту будто бы из комы вынырнула. Сил нет, но есть пришлось себя заставить. И за последующие пару дней я заметила, что это было нужно делать сразу же по пробуждении, иначе голодная тошнота быстро перетекала в нечто большее, и я неизбежно корчилась над унитазом.

И не только утром.

Когда стрелки часов переваливали далеко за полдень или устремлялись к полуночи, это случалось снова, стоило мне позабыть накормить организм. А мне так не хотелось!

И я, в конце концов, не выдержала и нервно засмеялась, а затем закинула голову к потолку и заговорила. С ним!

— Даже с небес обо мне заботишься, да, Игнат?

Отерла со щек мокрые соленые дорожки и всхлипнула.

— Хочешь, чтобы я жила? Чтобы наш малыш родился здоровым? Чтобы мама его не шагнула за грань безумия?

На мгновение прикрыла глаза, а затем взвыла:

— Тогда вернись ко мне, черт тебя дери! Потому что я

сама не могу! Не получается у меня ничего! Не умею я жить без тебя, Игнат! Ты слышишь меня? Слышишь?

Голос сорвался, а сердце, ежедневно кропотливо склеиваемое мной, снова разбилось.

— Ответь мне! Дай хоть какой-то знак, что ты где-то рядом! Что не ушел безвозвратно...

Но ответом мне была лишь тишина.

И знаков никаких мне никто не послал.

Эти стены душили меня безмолвием, да так сильно, что скоро я сама стала похожа на ходячий, полуразложившийся труп. Сгоревший до основания от внутренней агонии.

Пару раз за проползшие мимо меня дни звонил отец. Психовал, что я так и не отошла от «жизненных неурядиц». Еще раз объявлялся Панарин, снова желая помочь неведомо, как и непонятно чем, возможно, какой-то волшебной пилюлей. Я не знаю. Вот и все, кто в это непростое время смог меня хоть как-то поддержать.

В утро нового дня, спустя четверо суток после трагедии, ко мне пришли люди из похоронного агентства, что заказал Миллер.

На ватных ногах двинулась им открывать, по пути натягивая на изможденное тело халат и скручивая длинные волосы в небрежный пучок на макушке. На заплаканное, опухшее от горя лицо предпочла забить.

Кому какое дело, что теперь со мной стало?

Разве что только мать Игната, Инесса Артуровна, брезг-

ливо поджала бы губы и посмотрела на меня, как на мерзкую мокрицу, что посмела путаться у нее под ногами. Но мне бы и тогда было все равно. Подумаешь, за годы брака с ее сыном, мы виделись от силы раза три или четыре. И каждый она делала вид, что я предмет мебели, а не человек.

Георгий Иванович, отец Игната, тоже недалеко ушел. Улыбался мне исправно, но я замечала сталь и холод в его равнодушных ко всему и всем глазах.

Вот только от родителей моего мужа не было ни слуху ни духу.

А между тем я всего за несколько часов выбрала торжественный и монументальный зал, где должно было пройти прощание с человеком, которого я любила всем сердцем. Только для избранных и самых близких. Чтобы тихо, без шума и репортеров — на этом жестко настоял отец.

— Аня, такие новости повредят бизнесу. А нашей семье подобная встряска сейчас ни к чему. На носу несколько серьезных контрактов...

Я кивала.

Заказывала цветы.

Место на Ваганьковском, где, кроме плиты не будет ничего. Лишь дата рождения и дата смерти человека, который стал для меня всем и смыслом жизни в том числе.

Когда же бездушные люди из похоронного агентства ушли, вытрепав мои нервы до основания, я снова ревела белугой до сорванных голосовых связок. А спустя еще три дня

оделась во все черное, чтобы прийти на символическое прощание с мужем.

Прошла неделя. Мне показалось, что целый год.

— Пока так, — прошептал отец, возлагая алые, как кровь, розы на пустой, закрытый гроб, — Игната признают мертвым только тогда, когда завершатся поисковые мероприятия и экспертиза сгоревших останков.

— Мы могли бы подождать с этим, — кивнула я на рамку с фотографией супруга, что была перетянута черной, похоронной лентой.

— Инесса Артуровна попросила не тянуть с тем, что и так уже понятно без лишних слов. А как матери претить?

— И где же она? — оглядела я пустой, отделанный черный мрамором холл.

— Слегла с давлением и мигренью от скорби. Григорий остался с ней.

— М-м-м...

Спустя какое-то время и отец покинул зал прощания напоследок наказав мне быть сильной.

И я осталась стоять одна, глотая слезы и слушая, как надсадно тарахтит умирающее от тоски сердце. Глохло периодически. Замирало. Но снова заводилось, чтобы мучить меня пыткой одинокого существования.

— Аня, здравствуйте..., — послышался за спиной смутно знакомый голос.

Обернулась и потонула в стальной глубине глаз.

— Сергей? — узнала я стоящего передо мной Панарина, которого видела максимум раз пять за все время супружества.

— Соболезную вам, но позвольте довезти вас до дома. Вы стоите тут уже третий час к ряду...

— Неужели? — спохватилась я и устало перевела взгляд на ручные часы.

Действительно. Ушла на глубину, а меня разбудили.

Зачем, господи???

— Я за рулем, — попыталась я отвязаться от мужчины, но он категорически мне этого не позволил и отрицательно дернул подбородком.

— Вы плачете, Аня. И руки трясутся. В таком состоянии вам нельзя управлять транспортным средством.

— И что вы предлагаете? — передернула я плечами.

— Ну, такое себе, — криво и скорбно улыбнулся Панарин, — помянуть Игната. Крепко, так, чтобы печаль ушла из сердца хотя бы ненадолго. И вспомнить, каким он был крутым мужиком. М-м, что скажете?

— Мне тяжело вспоминать, Сергей, — всхлипнула я.

— А мне нет. Я с ним с детского сада знаком. Столько историй знаю. Хотите послушать?

— У меня есть выбор? — заломила я руки и вопросительно выгнула бровь.

— Нет...

Глава 3 – Кукла Аня, не плачь...

Аня

Словно изломанная кукла, я переставляла ноги, шагая вперед и чувствуя, как аккуратно придерживала меня под локоток ладонь Панарина.

Горячая. Чужая.

Но мне было уже все равно. Еще неделю назад я ужаснулась бы оттого, что ко мне прикасается мужчина, не являющийся моим мужем. А сейчас? Сейчас я была настолько выпотрошена горем, что просто этого не заметила.

Как и того, насколько трепетно Сергей суетился вокруг меня. Заботливо, чтобы я не ударилась головой, усаживал в свой автомобиль. Пристегнул мне ремень. Указал на закрытую бутылку минералки рядом со мной и пристально заглянул в глаза.

— Вас в машине не укачивает, Аня?

Ответить не смогла. Только отрицательно дернула головой и отвернулась, в ожидании того, когда мужчина наконец-то усядется за руль.

— Ну, куда поедем? — внимательно посмотрел на меня Панарин, а я пожала плечами.

— Куда угодно.

— Тогда к вам, да? Только заскочим в магазин, купим мяса. Я умею готовить обалденный стейк — пальчики обли-

жешь! — все интонации, которые были в этом предложении, я попросту пропустила мимо ушей.

Только скривилась и прижала ладонь к ноющему в груди сердцу.

— Куда угодно, лишь бы не домой.

За прошедшую неделю мне опротивели стены нашей общей с Лиссом квартиры. Они давили на меня и грозились окончательно прихлопнуть. И я бы рада.

Но теперь я не одна.

— Тогда, может, ко мне?

— Не домой...

— Понял, — поджал губы Панарин, а я потерла виски, по которым стучал невидимый дятел. — Тогда ресторан?

— Можно...

Всего на мгновение задумалась над тем, что же я творю, куда еду и зачем, а затем отмахнулась от мыслей этих бесполезных? Смысл над ними чахнуть, когда всем нам меня плевать? Игната нет. Отец усвистел, решать свои проблемы. Подруг и друзей я за годы брака так и не нажила.

В муже полностью растворилась.

Общалась с кем-то в институте, конечно, но не до такой степени, чтобы приехать и поплакаться в жилетку о том, что весь мой мир в одночасье рухнул. Игнат — он же, как мое персональное солнышко, а я вокруг него крутилась, вертелась, грелась.

А теперь как быть?

Вот и плыла я по течению, не чувствуя более вкуса жизни.

И был какой-то ресторан. Красивый, наверное, и пафосный. И меню было с заоблачными ценами на различные деликатесы. И винная карта, из которой Панарин заказал что-то неприлично дорогое.

Все было.

Ани только не было. На ее месте сидела тень.

— Вы, Сергей, надеюсь, не будете против, если я буду плакать? — достала я из сумочки платок.

— Отнюдь, — пожал плечами Панарин, — слезы — это то, что вам сейчас нужно, Аня. В них содержатся гормоны, которые обладают обезболивающим эффектом.

— Мои слезы бракованные, видимо, — шумно сглотнула я и оглянулась по сторонам.

Мы сидели в самом углу заведения, отгороженные от общего зала огромными кадками с раскидистыми фикусами и прозрачными трубками до самого потолка, по которым медленно скользили разноцветные гелевые пузыри. Играла живая музыка.

Подошедший сомелье принялся распекаться о вкусовой палитре выбранного нами вина. Разлил на пробу. Обрадовался, словно ребенок, что Панарин одобрил бутылку, и, наполнив бокалы, удалился.

Я сделала вид, что чуть пригубляю напиток, но тут же отставила его в сторону.

А между тем мужчина даже глазом не моргнул на мои дей-

ствия, но принялся словно бы между прочим болтать. А я, до того планомерно распадающаяся на куски от внутреннего гниения, затаила дыхание и начала слушать.

— Мы с Игнатом с первого класса знакомы. Частная школа-интернат для богатых, но нелюбимых детей, Аня. Таких, которых заводят, потому что надо, а не потому, что на самом деле их хотят. На этой почве мы с твоим мужем и спелись. Так до выпускного за одной партой и просидели. Дважды, правда, нас чуть не отчислили.

— За что?

— За непристойное поведение.

— А именно?

— Ну, Аня, это не для женских ушей, право слово...

— Ох, да говорите уже! — безрассудно поторопила я мужчину, за что тут же поплатилась.

— Секс на территории школы. Оба раза.

— Ох, боже..., — резко кинуло меня в краску, и я принялась обмахиваться ладонями, чувствуя, что от шока буквально задыхаюсь.

— Мальчишки — что с нас взять? Глупые, накачанные гормонами под завязку, — грустно улыбнулся Панарин.

— Да уж..., — громко прочистила я горло и хлебнула воды из бокала.

— Но это школьные годы такие выдались у нас: под эгидой вечного протеста. Мы привлекали к себе внимание взрослых, которым до нас не было никакого дела. Холодные и от-

страненные мамы. И вечно занятые добычей денег папы. Но мы выросли. И в институте началась совсем другая жизнь...

Сергей все говорил и говорил. А я не перебивала его, внимая каждому слову. Визуализировала услышанное. Представляла себе молодого и прыткого Игната, что шел к цели уверенно и не сворачивая с выбранного пути.

Даже смогла улыбнуться на тех местах, где Панарин рассказывал особо юморные моменты из биографии Лисса.

Узнала я и о нескольких годах его жизни за границей.

О том, что любимый фильм Игната — «Адвокат Дьявола».

Что любимый его цвет — черный.

И что у него была мечта — побывать на Северном и Южном полюсе. Она так и осталась несбыточной, потому что этот невероятно умный и предприимчивый мужчина много работал и мало отдыхал.

Бедный мой...

— Эта работа его и доконала! — зло процедила я, комкая салфетку в руках и отшвыривая ее прочь, а затем прижала кулачки к глазам, уже наливающимся слезами, и в отчаянии прошептала. — Ох, господи, надеюсь, он хотя бы не мучался и ушел быстро...

— Конечно, Аня, так все и было.

— Вы уверены? — вскинула я на мужчину затравленный взгляд.

— Абсолютно!

И после этих слов между нами повисло безмолвие. Панарин вглядывался в пейзаж за окном, за которым хмурились стальные небеса и с них срывались первые капли надвигающегося ливня. А я только сейчас принялась разглядывать этого мужчину.

Высокий. Плечистый. Сухой.

Смазливый. Для тех, кто любит эдаких рафинированных красавчиков, как Генри Кавилл, Крис Пайн или Джуд Лоу. Идеальный, кажется, во всем, куда ни посмотри: прическа, костюм, улыбка, взгляд победителя.

А мне противно стало.

Потому что он так был похож в этой своей разящей безупречности на моего Игната. Вот только он им не был! Все равно, что вместо бренда подсунуть под нос дешевую китайскую паль.

По телу тут же побежали противные мурашки. Всколыхнули мутный, зловонный ил отчаяния на дне моего сознания. И мне нестерпимо захотелось уйти отсюда.

Немедленно!

И только я было хотела решительно встать и откланяться, как телефон Панарина, перевернутый на столе экраном вниз, вдруг суматошно завозился, призывая своего хозяина ответить на входящий вызов.

— Я прошу прощения, Аня, — коротко и сухо улыбнулся мне Сергей, поднял телефон со стола, проверяя, кто именно решил вдруг его побеспокоить.

И тут же изменился в лице.

Зыркнул на меня быстро, поджимая губы. Подбородком дернул резко и чуть сморщил нос, будто бы внезапно в воздухе запахло чем-то прокисшим.

А затем рубанул:

— Я отойду, чтобы ответить. Это важно.

— Ни в чем себе не отказывайте, Сергей, — кивнула я, намереваясь уйти по-английски.

И в своем решении совершенно не вслушивалась в то, что разгневанно цедил в трубку Панарин, торопливо двигаясь в сторону широкого балкона за панорамными раздвижными дверями.

— Вася, я снеслася, блядь... Да неужели... Какого хера, а? Ты просто вконец охуел...

Меня передернуло. Еще один матершинник. И так грустно-грустно стало...

До рези под ложечкой и жалобного всхлипа.

Встала и пошла прочь, на ходу вызывая такси до дома. Хватит с меня разговоров о покойном муже.

Просто хватит и все!

Глава 4 – Палата №6

Аня

— Я сейчас немного не понял тебя, Анюта. О чем ты вообще толкуешь? Какой еще, к черту, Питер? — нахмурился отец, когда уже на следующий день после символических похорон явился на мой порог, чтобы проверить, не сдохла ли я от скорби.

По факту, конечно же, нет.

Но морально уже давно болталась где-то за гранью добра и зла полуразложившимся трупом. И всю ночь металась по квартире, понимая, что нет мне здесь больше места и покоя. Стены давят. Насилуют воспоминаниями. И спать мне в нашей с Игнатом постели — все равно что в адском чане вариться.

Невыносимо!

— Что не так с Питером? — пожав плечами, спросила я.

— Да все не так, Аня! Он типа как не в Москве!

— Не в Сибири же, — фыркнула я, — все равно что за МКАДом.

— Ох, да неужели?

— На твою Рублевку дольше ехать, пап, — отмахнулась я. — А тут сел на аэроэкспресс, потом на самолет и вот ты уже в Северной столице — всего пара часов и никаких пробок.

— Чушь не пори! Я тебя никуда не отпущу!

— А я у тебя и спрашивать не буду, — на тяжком выдохе прошептала я. — Уеду и все.

— Давай мы просто купим тебе другую квартиру, дочь.

Можно подумать, это что-то решит...

Город ведь напитан воспоминаниями о нашем совместном прошлом с Игнатом. Мы же здесь не пару месяцев прожили, а годы. Где только вместе не были. Каждая улочка в себе несет отпечаток прошлого. Счастливого. Беззаботного. Яркого.

А теперь как мне через это все брести? Все равно, что ежик в тумане.

— Нет, пап, не выйдет, — отрицательно покачала я головой, — мне нужна смена обстановки. Перезагрузка. Иначе я в своем трауре утону окончательно.

— А как же твои идеи насчет ветеринарной клиники?

— Они со мной, как и прежде. Окунусь там, в городе на Неве, во все эти заботы. Вот так и выкарабкаюсь из мрака и боли. Ты только мне не мешай, пап. А лучше помоги. Иначе я просто не справлюсь...

— Дочка...

— Пожалуйста, — всхлипнула я и тут же очутилась в объятиях родителя.

Почему-то стало тепло, несмотря на то, что от старика пахло сигарами, морозной свежестью и неуловимо лекарствами.

— Мне осталось совсем чуть-чуть, Аня...

— Ты то же самое говорил и три с половиной года назад, — хмыкнула я.

— Я так хотел увидеть внука..., — вдруг покрылся красными пятнами отец, а я отвела взгляд, понимая, что ему тяжело даются подобные откровения.

Но снова смолчала. Я суеверно боялась, что если произнесу вслух о том, что жду ребенка, то маньячка-судьба и его у меня отберет. Она ведь за что-то на меня взъелась, что украла каждого, кого я любила.

Мать.

Бабушку.

Мужа.

Прицелилась и на отца.

Выкуси, сука, моего ребенка ты не получишь!

— Пап, не дави на меня. Мне ведь и так нелегко, ты сам знаешь, — отвертелась я.

— Знаю..., — тяжело вздохнул родитель, а затем достал платок из нагрудного кармана и вытер набежавшую на глаза влагу.

Я опешила от понимания, что ничего этому сухому и неэмоциональному старику не чуждо. А он, в свою очередь, выдал обещание:

— Все будет, Аня. Квартира, помещение для твоей клиники, грамотный персонал. Ты только...

— Что? — пристально всмотрелась я в изможденное посеревшее лицо родителя.

— Ты только не забывай, что я есть у тебя. Ладно?

— Договорились...

В последующие три дня я собирала вещи. Отец сказал, что выставит нашу с Игнатом квартиру на продажу сразу же, как только я съеду.

В общем, поддерживал, как мог и как умел.

А потом настал день номер десять. Тот самый, в который мой любимый муж должен был вернуться из своей затяжной командировки. И снова я, как с отвесной скалы и на острые камни, рухнула.

С самого утра себе не находила места. Перманентно ревела белугой, свернувшись в позу эмбриона в душевой, под обжигающими каплями воды. А затем кое-как соскоблила себя с кафеля и заставила в последний раз почтить память Игната.

Открыла телефон и нашу с ним переписку, где он кидал мне обратные билеты.

Он должен был вернуться ко мне сегодня. Самолет бы прилетел в «Шарик» ровно в семь вечера. И уже бы, примерно, через час в замочной скважине нашей квартиры зазвенели ключи.

Открылась бы дверь.

И обожаемый, чуть хрипловатый баритон пролился бы бальзамом на мои истерзанные нервы.

— Любимая, я дома!

Я бы кинулась к нему и повисла разомлевшей кошкой на

сильных плечах, пахнувших раем. Я бы зацеловала заросшие щетиной щеки. Я бы сказала, как рада, что он вернулся ко мне.

Я бы все отдала, чтобы это случилось!

Но эта реальность не привыкла торговаться. Она просто забирала жизни и хохотала над нашими слезами и печалями. А мне осталось только покорно брести по колотому стеклу, что услужливо постелила мне насмешница-судьба.

Что я и сделала...

Остаток дня я простояла у плиты. Поставила вариться мясо на кости — на борщ, что так любил Игнат. Собственноручно перекрутила говядину со свининой и сделала фарш — на котлеты. Достала и очистила от косточек сливы — на компот.

Не забыла про картофельное пюре. Настоящее, от которого у моего Лисса всегда текли слюнки. Со сливочным маслом, яйцом, молоком и шкварками. М-м-м, по бабушкиному рецепту.

Когда же все было готово, уделила время и себе.

Снова сходила в душ.

А после него долго-долго стояла перед зеркалом и смотрела на собственное отражение. Скривилась, но все-таки полезла в тот ящик, где нетронутой лежала вся так косметика, что дарил мне Игнат.

Накрасилась. Подвела веки, прошлась по ресницам тушью и даже губы алой помадой подвела.

Удивленно посмотрела на себя снова. И все же стерла вульгарно алый оттенок.

Высушила волосы и распустила их по плечам упругими волнами, в обход устоявшейся привычки заплетать их в косы.

А после пошагала с беснующимся за ребрами сердцем в гардеробную, где замерла, покусывая губы, возле штанги, где бесконечным рядом висели наряды, что дарил мне супруг. Все с бирками. Ни разу не надетые.

Ненужные мне.

Но сейчас я хотела быть для него красивой.

Чтобы он поглядел на меня с небес и улыбнулся.

И я протянула руку и сняла первую попавшуюся вешалку. То оказалось черное, словно ночь, платье-футляр. Впереди совсем невинное, но сзади — откровенное до неприличия, с ужасно низким вырезом почти до ягодиц.

Но я сцепила зубы и все же натянула на себя эту безбожно развратную тряпку. И ноги сунула в лаковые туфли на головокружительной шпильке. И белье под платье надела тоже то самое, что дарил мне супруг.

Бесстыдное. Вычурное. Неприличное!

Но сегодня все было для него. Да и никто не увидит, верно?

Я хоть и была разодета, словно шлюха, с высоко поднятой головой спустилась вниз, в кухню. А там методично накрыла на стол.

На две персоны.

Не забыла и про бутылку любимого игристого для Игната. А дальше...

Первое.

Второе.

И компот...

И сама села, но к еде притронуться не смогла. Лишь коротко глянула на часы, отмечая для себя тот факт, что вот где-то бы прямо сейчас мой Лисс вернулся домой...

Закрыла ладошками лицо и горько расплакалась, не в силах смириться с тем, что Игната больше нет.

Выла!

Горевала!

Распадалась на атомы...

А в следующую секунду вздрогнула. И напряглась.

А затем с ужасом поняла, что у меня начались галлюцинации. Что я действительно слышу, как в замочной скважине проворачиваются ключи. Как отпирается входная дверь. Как кто-то заходит в квартиру, снимая с плеч ветровку.

А затем уверенной походкой идет ко мне.

Топ. Топ. Топ. Топ...

А меня затрясло от ужаса. Боли. Отчаяния.

И любви!

И когда до боли знакомая, широкоплечая фигура вдруг появилась передо мной, то я не выдержала и громко всхлипнула, одновременно ударяясь в горькие слезы.

Боже, неужели я действительно сошла с ума?

Глава 5 – Остыл

Игнат

Блядь, как же не хотелось все это делать-то, а!

Но я все же провернул ключ в замочной скважине и, скрипя зубами, перешагнул порог квартиры, в которой так привычно пахло домашней стряпней. Сегодня наваристым борщом, котлетами и сливовым компотом.

Меня передернуло. Этот хренов аромат «райской» жизни пропитал каждую комнату, пробрался в каждый угол и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.